

ПРЕДИСЛОВИЕ

— История шуршастиков уходит корнями в глубокую древность. Давным-давно наши предки были дикими существами и жили в норах. Но потом решили обустроить себе более удобную жизнь и основали Чуландию...

Вот скуотища! Неужели всем обязательно нужно учиться, чтоб повзрослеть? А если не знаешь, куда уходит корнями история, так что же, и не вырастешь никогда? И голос у учителя Куша такой сладкий и певучий, что хочется закрыть глаза и вздремнуть. Я изо всех сил старался не уснуть и даже подпёр голову рукой. Лишь бы учитель не заметил, что я его не слушаю, а то опять вызовет родителей. Это он быстро! Вон на стене разноцветные шарики — достаточно потянуть за синий, и у нас дома сработает сигнал.

— Чем отличались древние шуршастики от современных? — спросил учитель.

— Образованностью! Ростом! Волосами! — слышалось со всех сторон.

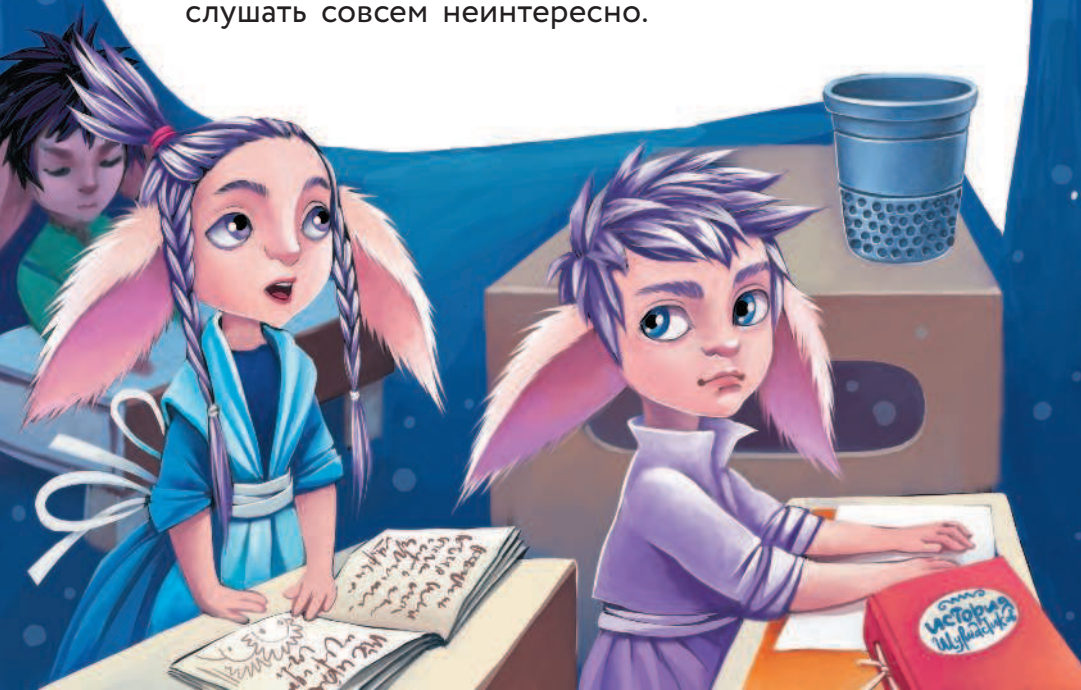
— Правильно, цветом волос, — кивнул учитель Куш. — Раньше у шуршастиков можно было увидеть волосы любого, даже самого необычного жёлтого цвета, но в процессе эволюции и в результате жесточайшей селекции остался только

фиолетовый цвет, остальные исчезли за ненужностью. А почему остался только фиолетовый, кто знает?

— Потому что он самый неприметный ночью. А шуршастикам можно выходить в наружный мир только по ночам, — бойко ответила Тишь.

Подумаешь! Я и сам это знал, просто ответить не успел. И все оттенки давно знаю. Ведь волосы не у всех одинаковые: у кого-то они цвета лунного пятна — это очень светлый оттенок фиолетового; у кого-то — цвета мрачной тени — этот фиолетовый очень тёмный, и самой тёмной безлунной ночью его совсем не видно. Сейчас учитель Куш начнёт перечислять все эти оттенки и подробно объяснять, чем один отличается от другого, но, когда всё это и так знаешь, слушать совсем неинтересно.

Говорят, за пределами Чуландии лежит огромный мир. В нём много света, шума и опасностей. Я пока там не был. Шум и свет меня не очень интересуют, а вот опасности... Но детям строго запрещено выходить наружу. Да и не всякий взрослый решится на это: ведь там территория топтунов. Некоторые самые отважные периодически выходят, чтоб раздобыть еду и кое-какие вещи. Их называют добытчиками. Мы с ребятами хотим стать добытчиками. Это круто! Они такие ловкие, смелые и не боятся даже топтунов.

Мой папа добытчик. Бывает, он уходит на несколько дней и всегда возвращается с добычей. Вон та огромную железную чашку, которая стоит на столе учителя Куша, тоже добыл мой папа. Однажды он в страшном бою вырвал её из рук топтунов, чтоб принести своему народу. Когда я вырасту, обязательно стану таким же, как он!

— Кыш! Ты опять отвлекаешься?! Смотри мне!!

Я даже вздрогнул от окрика нашего преподавателя. Неожиданно из сладкого и певучего его голос стал резким и громким. Наверное, такие голоса у ужасных топтунов. Разве можно так грубо прерывать поток размышлений?

Да, это он ко мне обратился. Меня зовут Кыш. И я шуршастик.

Как нас только не называли! И домовыми, и привидениями, и даже мышами! Разве можно спутать нас с мышами? Мы же на них совсем не похожи, ну, может быть, только размером. Вот, к примеру, мыши совсем не любят сыр, а шуршастики его прямо обожают!

Вражда шуршастиков и топтунов длится много-много лет. Никто уже и не помнит, с чего всё началось. Даже учитель Куш этого не знает, хотя, вообще-то, ему известен ответ на любой вопрос. Говорят, когда-то наши народы жили дружно, но в это слабо верится. Нет, мы не ведём открытых боёв: слишком уж неравные силы. Мы просто стараемся не попадаться на глаза топтунам. Вроде бы и живём совсем рядом с ними, но, в основном, они даже не подозревают о нашем существовании. Не знаю, вражда ли это?.. Профессор Куш гово-

рит, что мы должны опасаться топтунов, потому что они хотят нас уничтожить. Но, если честно, я ни разу не встречался с ними и не видел тех, кого они покалечили. Должно быть, мы очень хорошо прячемся.

Нам очень повезло, что однажды кто-то из наших предков нашёл Чуландию и остался здесь жить. Говорят, в норах было холодно, и временами их затопляла талая вода, а в Чуландии тепло и сухо. А ещё здесь так много места, что хватает всем жителям. Ещё бы — шесть уровней! Наша школа находится на самом верхнем — шестом. Он считается самым безопасным, потому что даже огромному топтуну пришлось бы встать на подставку, чтоб добраться до него. Вот поэтому тут держат всех детей и хранят общие запасы еды. Моя семья живёт уровнем пониже, там же, где и семьи всех добытчиков. Говорят, что уровни со второго по четвёртый — самые опасные, но я никак не могу понять, чем они хуже других. За мою жизнь там никогда ничего не случилось. Самый нижний уровень необитаем. Во-первых, там выход в мир топтунов, а во-вторых, из выхода сквозит. А на сквозняке можно простыть — так говорит мама.

Все вещи в наших жилищах сделаны из того, что принесли добытчики. Кровати, шкафы, столы — всё это сделано из коробок, в которых топтуны

хранят горючие палки, называемые спичками. Сами палки мы не поджигаем: боязнь огня у шуршастиков ещё с тех времён, когда мы были дикими. Зато из палок можно много чего соорудить. Из лоскутов шьётся одежда, фантики от конфет идут на изготовление обуви, а ещё мама плетёт из них красивые коврики. Пригождается и многое другое, что можно потихоньку добыть у топтунов.

— Ну и что ты сегодня получил за урок? — спросила мама, когда я вернулся домой.

— «Плохо», — обречённо ответил я — врать было бесполезно, потому что учитель жил неподалёку, и мама запросто могла спросить у него.

— Ну как же так! — Мама всплеснула руками, и её брови печально приподнялись.

— Он ко мне придирается, — буркнул я.

— Ох, горе ты моё, — вздохнула мама. — Есть будешь?

Мама у меня добрая и за плохую учёбу не ругает. Только вздыхает. А что поделаться, если из отметок у нас только две: «плохо» и «хорошо». Вот было бы их больше, я тогда, может, и учился бы получше. Придумали бы какую-нибудь отметку «нормально», к примеру, или «и так сойдёт», или «очень хорошо». На «очень хорошо» я, допустим, не тяну, а «хорошо» мне бы поставили, если бы была отметка ещё лучше. А вот «очень плохо» — такую не надо придумывать. Ну её! Зачем придумывать то, от чего одни расстройтва?

Я с аппетитом поедал кашу из крошеного печенья, как вдруг пришёл Чиж. Это мой друг, и мы учимся вместе. Он уселся за стол напротив меня и громко спросил — так, как будто я глухой:

— Кыш, ты пойдёшь делать задание, которое нам задал учитель Куш?

Я вытаращил на него глаза: какое задание? Неужели я так отвлёкся, что совсем ничего не услышал?

— Ну, помнишь, то самое, которое нужно делать в парах, — опять громко, как отрепетированную роль на праздничном спектакле, сказал Чиж и выразительно подмигнул всем лицом.

— Вот и молодцы, конечно, идите, — сказала мама. — Уроки — это очень важно.

А Чиж то выпучивал глаза, то подмигивал, то шевелил бровями, как будто у него разум помутился. И вот тут я понял, что друг что-то задумал. Даже пух на его ушах взволнованно дрожал.

— Да-да, нам нужно непременно сделать вместе это важное задание. Срочно! — сказал я, не сводя взгляда с Чижа, пытаюсь понять, правильно ли его понял, а тот едва заметно кивнул.

Я даже не стал доедать, вскочил из-за стола, и мы помчались прочь из дому.

Чиж торопливо спустился на уровень пониже, и я за ним, он ещё ниже, и я следом. Что же такое он задумал?

— Эй, Чиж, мы куда?

— Тсс!.. — только и сказал он, не останавливаясь.

Вот мы спустились уже до второго уровня, и тут ко мне подкралось нехорошее предчувствие. Неужели Чиж

хочет выбраться наружу? Ведь там же... Догадка так ошарашила меня, что я тут же остановился:

— Эй! Пстой! Если ты сейчас же не скажешь, куда мы бежим, я не сдвинусь больше с места, — и для пущей уверенности, чтоб он не думал, что я шучу, я по-взрослому сложил руки на груди.

Чиж, успевший уже отбежать от меня на приличное расстояние, вернулся.

— Ладно, — сказал он, немного подумав. — Только обещаю, что никому не скажешь!

— Обещаю, — недовольно ответил я.

Вот раздражает меня такое: сначала звал меня, моргал там, видите ли, я даже как следует не поел, за ним побежал, а он теперь какие-то тайны выдумывает.

Чиж оглянулся по сторонам, подошёл ещё ближе и страшным голосом зашептал прямо мне в ухо:

— За стеной нет топтунов!

Я посмотрел на него, потому что он замолчал и опять выразительно вытаращил глаза и зашевелил бровями.

— Как это нет? А кого тогда мы боимся?

— Не знаю. Я случайно подслушал, как мой папа разговаривал с другими добытчиками. Твой папа, кстати, тоже был там. Так вот, они говорили, что топтунов нет.

— Так это же хорошо! — воскликнул я.

— Тсс! — зашипел на меня Чиж и принялся озираться по сторонам, хотя поблизости никого не было. — Хорошо-то хорошо, но они сказали, что и запасов практически не осталось. Получается, наши запасы напрямую зависят от топтунов. Есть топтуны — есть запасы, нет топтунов — нет запасов. Понимаешь?

Я кивнул, хотя всё это как-то плохо укладывалось у меня в голове. С одной стороны, топтуны — наши враги, но с другой — это что же получается, мы от них зависим? Я никогда раньше об этом не задумывался. Ну да, добытки приносили еду и вещи, но, откуда всё это бралось, я не думал. А теперь стал всё сопоставлять: папа в последнее время слишком часто стал уходить за добычей, а приносил уже не так много. Да и кашу

из толчёного печенья мама теперь готовила только мне, а раньше её вся семья ела. И как же я сам этого не заметил?!

— И что же теперь? — растерялся я.

— А то! Пойдём и посмотрим!

— Нам же туда нельзя! Пока мы не научимся становиться невидимыми, нельзя выходить из Чуландии!

— А кого нам теперь опасаться, если топтунов нет?

А и правда! Если нет опасности, то и прятаться не нужно. Тем более мне так давно хотелось посмотреть, какой он — мир топтунов.

Мы спустились на первый уровень. Там было тихо. Похоже, никто из шуршастиков не решался обживать самый низ Чуландии. И немудрено: ведь где-то здесь выход в опасный мир.

